

ФРАНСУАЗА

БУРДЕН

FRANÇOISE
BOURDIN

Face à la mer

ФРАНСУАЗА
БУРДЕН

Глядя на море

INSPIRIA

МОСКВА
2022

1

— Черт бы тебя побрал, Сезар, вместе с твоей хибарой! — в бешенстве воскликнул Матье, давя на выключатель.

Наконец электричество заработало, и колесико счетчика медленно начало вращаться.

В тусклом свете лампочки, свисающей с балки, сарай выглядел зловеще. Выключив фонарик и сплюнув, Матье ощутил дрожь во всем теле. Запахнув куртку, прежде чем выбежать под дождь, он со всех ног припустил к дому и быстро затворил за собой дверь. В оставленной на столе чашке кофе наверняка давно остыл. «Ну и черт с ним, — подумал он, — без кофе даже лучше засыпать».

А ночи здесь часто бывали нестерпимо длинными. Вернулась бессонница с ее шлейфом черных мыслей. До того как решиться на эту добровольную ссылку в надежде обрести покой, ставший ему необходимым, он настолько устал, что стоило ему коснуться подушки, как он тут же проваливался в сон. Ну а с пробуждением сразу накатывали мысли о дне грядущем и списке дел, которые ему предстояли, о людях, от него зависящих. Ох уж этот список! Сначала Матье просто держал его в памяти, потом принялся записывать, чтобы ничего не упустить, а под конец уже царапал едва ли не с ожесточением. Зато теперь он предавался мечтаньям, перед тем как встать, голова его звенела пустотой, и он отправлялся под душ, обдумывая, чем бы занять сегодняшний день.

Ощущал ли он, что находится на пути к исцелению? Да. Но ведь он и не был болен, если не считать усталости от всех этих лет сверхактивности, которую добровольно развивал. Желание преуспеть, вера в то, что пассионарность станет его главной движущей силой, а неиссякаемая энергия преодолеет любые трудности, чуть не подвели его к краю пропасти. Но, поняв, что его может попросту испепелить пресловутое «профессиональное выгорание» — мягкий синоним депрессии, — он решил немедленно все прекратить. Отныне он запретил себе думать о том, что могло бы произойти в магазине в его отсутствие. Даже если судно, лишившись капитана, пойдет ко дну, он не собирался над этим ломать голову. Что, интересно, сказал бы Сезар в таком случае?

Ох, Сезар... Не встретить его Матье, жизнь, возможно, пошла бы по другому руслу. Но такого стоило встретить, тут и думать нечего.

В то время Сезар занимался хорошо востребованной коммерцией в центре Гавра. Громадная халупа, где можно было брать напрокат DVD-диски, отремонтировать видеомагнитофон или телевизор, сдать какое-нибудь старье, выставив его на продажу — вдруг кто-нибудь да купит. В подвале высились груды пустых коробок, зато в зале все было пристойно. И дела продвигались очень даже неплохо. Хотя Сезар пил как сапожник, ночами играл в покер и никогда не платил по счетам. За исключением этих недостатков, он был самым обаятельным человеком на свете, каких Матье приходилось когда-либо встречать.

Истинный гуманист, образованный и воспитанный, одаренный незаурядным чувством юмора, частенько он предавался самобичеванию, после которого, правда, тут же все опровергал.

Расположение Сезара Матье завоевал с первых минут, когда предложил выкупить у него сомнительную халупу, ну а к завершению сделки они стали настоящими друзьями. Избавившись от денежных проблем, Сезар с любопытством наблюдал, как Матье обустроивал то, что со временем должно было стать самым большим книжным магазином Гавра. Установка эскалатора ошеломила его, объемные клубные кресла для посетителей немало повеселили, а устройство небольшого чайного салона вызвало саркастическую усмешку. И все это ради продажи книжек с сомнительным доходом? Он предсказывал худшее и не скрывал этого от Матье, однако вышло ровно наоборот.

Успех к книжному магазину пришел не случайно. В течение первых трех лет Матье поднимался по утрам не позже пяти часов, а в воскресенье — единственный выходной день, когда магазин не работал, — за опущенными ставнями окон он расставлял товар на полках, вникал в бухгалтерские счета, искал новые идеи, короче, занимался всем и сразу. Будь это в его силах, он раздвинул бы и стены. Ближе к вечеру к нему заглядывал Сезар с неизменной бутылкой в руке. Они устраивались в клубных креслах и пропускали по стаканчику — Матье всегда один, а Сезар обычно два-три. Говорили они обо всем на свете, чаще о жизни, женщинах, вопросах веры. Сезар уверял, что нисколько не боится смерти, на самом же деле трепетал при мысли, что безрассудно сжигает свою жизнь со всех возможных концов и что час расплаты близок. Он ни на миг не сожалел, что вел столь бездумное существование, однако его огорчало, что оно оказалось настолько коротким. И в свои семьдесят пять он по-прежнему играл в покер, вызывавший у него драйв не хуже любого наркотика. С глубоким лиризмом он рассказывал об этих ночных бдениях, устраиваемых в потаенных местечках. Куда

больше, чем игра, его привлекала уже необходимая ему доза адреналина. Матье слушал друга, замороженный, но и опечаленный, чувствуя, что бедолага неизбежно попадет в ад.

Нетрудно предположить, что у Сезара вновь возникли финансовые трудности, как только он промотал деньги, вырученные от продажи лавки. Теперь у него оставался только дом в Сент-Адрессе¹, добротное, но плохо содержавшееся строение, где он родился и всю жизнь прожил отшельником. Матье предложил выкупить и его, на правах пожизненной ренты, не выдавая все деньги наличными, а ежемесячно выплачивая фиксированную сумму, что позволяло и его собственное финансовое положение. Располагая определенным доходом, Сезар получал своего рода ограничение, делая ставки на зеленом сукне, в то же время мог продолжать жить как жил. Такое решение устроило обоих, и они в очередной раз отправились к нотариусу.

Надо сказать, Матье не принял во внимание реального состояния своего приобретения, которое казалось внушительным, но на деле было очень ветхим, и решил его со временем (чем позже, тем лучше) перепродать, когда станет настоящим владельцем. Увы, в тот же год Сезар умер.

Долгое время Матье не имел ни мужества, ни даже просто желания посетить новое жилище. Всю кучу пещерного хлама, которую он там обнаружил по прибытии, он немедленно распродал в пользу дальних родственников Сезара, проживавших в Южной Африке. Позже, когда он встретил Тесс, он все же привел в божеский вид две-три

¹ Сент-Адресс — городок в Нормандии, к северу от Гавра. (Здесь и далее прим. перев.)

комнаты, рассчитывая проводить там выходные вместе с ней, как сладкая парочка, сидя возле камина на террасе с видом на море. Ну а теперь он был просто счастлив, что имел возможность найти там себе укрытие.

Как раз когда он колебался, пить или не пить растворимый кофе, который вряд ли мог уже согреть, завибрировал телефон. Заметив два пропущенных вызова, он взял трубку.

— Ну, наконец-то, родной! — зазвенел радостный голос Тесс. — Я тебя ни от чего не открываю?

— Нисколько. Я выходил, потому что опять отключилось электричество. Снова пришлось налаживать проводку.

— Позже все приведешь в порядок. А пока не взваливай на себя никаких сложных дел.

С тех пор как он здесь находился, Тесс словно повсюду сопровождала его, даже на расстоянии. Нет, она не доставала его внезапными звонками, не приставала с сообщениями, не пыталась выведать, как он там живет. Но, услышав ее голос, он мгновенно представил ее улыбающееся лицо в каскаде белокурых локонов.

— Как ты провела вчерашний день, все хорошо? — спросил он с нежностью.

Он оставил ее, и она должна была чувствовать себя одинокой. Внезапно ему, добровольному изгнаннику, вновь захотелось очутиться возле нее, и в то же время он чувствовал, что пока не способен противостоять еще кому-то или чему-то, кроме своей беспредельной усталости.

— Хорошо провела. Кое с кем встречалась, продала несколько безделушек...

Встречалась? Все клиенты мира были без ума от Тесс. Мужчины, случайно заглянувшие в ее магазинчик, чтобы

выбрать подарок, неизменно заканчивали тем, что принимались с ней заигрывать. То же произошло и с ним, когда он впервые переступил порог ее лавки.

— Твоя дочь недавно заходила, — подхватила она.

— Ну и как она, справляется?

— Похоже, не очень. На нее столько всего свалилось...

И потом, она беспокоится о тебе, она уверена, что тебе стоит кое с кем встретиться.

— Чудесное иносказание! «Кое с кем». Мы все прекрасно понимаем, что речь идет не о кюре или автомеханике, а именно о психиатре. Поверь, лежание на его диване не принесет мне ни грана пользы.

— Анжелика уверена, что, пройдя курс антидепрессивной терапии, ты почувствуешь себя гораздо лучше.

— Да откуда у нее эти медицинские познания? Я со всем справлюсь без посторонней помощи, Тесс.

— Знаю.

— Ты хоть, по крайней мере, не докучаешь мне советами.

— Боже упаси. Что мне хочется, так это поцеловать тебя, пожелать спокойной ночи и сказать, что я тебя люблю.

— Несмотря на мой дурной характер? Депрессию? Внезапный отъезд?

— Несмотря ни на что.

— Спасибо, родная. Я тоже тебя люблю.

Он отключил связь, задаваясь вопросом, не сумасшедший ли он на самом деле и не нуждается ли в терапии? Оставить в одиночестве такую женщину, как Тесс, было в высшей степени неосмотрительно. Если она найдет ему замену, он даже не сможет ее в этом упрекнуть. На долю секунды его охватило желание броситься в автомобиль и помчаться к ней. Но мысль проснуться завтра в Гавре,

снова проделывать путь до магазина, перечитывать почту, подписывать счета, отвечать на письма, размещать заказы, выпутываться из дурацких ситуаций, возникших за время его отсутствия благодаря неверно принятым решениям сотрудников, улаживать конфликты, опять получать плохие известия о новых налогах или ограничениях, исходящих из министерства финансов, которому, похоже, не терпится окончательно сровнять с землей предпринимателей... И это был еще далеко не худший перечень всего, что его ожидало. И хотя он, безусловно, желал Тесс, не исключено, что он даже не смог бы заняться с ней любовью, а книги — его горячая страсть с раннего детства... теперь он не мог прочитать и нескольких строк. Средства массовой информации его никогда не интересовали. Любые происшествия оставляли равнодушным, от политики воротило, он видел в ней лишь лицемерие и карьеризм.

Как он дошел до такого отвращения, презрения ко всему, он, всегда такой восторженный и боевитый? Сейчас он был в полном дрейфе, и его очень индивидуальный способ лечения от депрессий на сей раз оказался неэффективным. Правда, он находился у Сезара — да какого там Сезара, у себя, — только три недели. Возможно, этого слишком мало? Но сколько же ему тогда понадобится времени? Сколько?

Мысль о Тесс разбивала ему сердце. И об Анжелике, его дочери, думать было стыдно. Не повредит ли ее учебе то, что она слишком за него беспокоится? Мало того, что он был никудышным любовником для Тесс, он был еще и отец плохой. Работая как проклятая над дипломом инженера по логистике, Анжелика была вынуждена еще и каждый день навещать его книжный магазин. Уж конечно, она и понятия не имела о рабочем процессе, но ей важно было показать служащим, что они не предостав-

лены сами себе, что она за всем следит и все контролирует. В действительности это было абсолютно невозможно, что, однако же, не мешало ей проявлять завидное упорство.

Повернувшись спиной к кофеварке, он решил пойти спать. Не иметь *никакого* дела за целый день — это вовсе не давало ощущения отдыха, и все же было куда менее тревожно, чем иметь *слишком* много дел. И, если уж жилище Сезара стало ему спасительным пристанищем, то Матье вполне допускал, что ему следовало сделать его менее спартанским, если он собирался здесь задержаться подольше. А чтобы занять чем-то вечер, не стоило ли ему, тем более в тепле, под одеялом, с планшетом на коленях, ознакомиться с сайтами, посвященными мебелировке и отделочным работам?

Нет, не стоило.

— Да ведь у тебя просто-напросто нет *Wi-Fi* наверху! — пробурчал он, взбираясь по лестнице.

И это тоже составляло неременную часть его программы по «полному отключению». Оставалось только смотреть телевизор, какую-нибудь из идиотских программ, от которых тем не менее довольно быстро начинало клонить в сон.

Примерно в то же время Тесс опускала железную решетку своего магазинчика. Как она только что сообщила Матье, день выдался неплохой. Открыв кассу, она подсчитала выручку и осталась довольна. Да ведь многого ей и не требовалось: было бы чем оплачивать счета да еще иметь немного наличных, чтобы сохранять финансовую независимость. Амбиции ее не шли дальше того, чтобы содержать маленький магазинчик, устроенный по собственному вкусу. Раз в месяц она отправлялась в Париж, к своим поставщикам, чтобы пополнить запас товаров, и

непреренно старалась отыскать что-нибудь оригинальное, свеженькое, какой-нибудь нетривиальный предмет или забавную деталь. Начиналось все непросто, и первые три года она испытывала трудности, зато теперь у нее была собственная клиентура, да и с остальными продавцами подобных магазинов она неплохо ладила. Все гаврцы знали, что именно у нее они отыщут нечто эдакое, подарок по последнему слову моды, пусячок, который непременно доставит удовольствие. Скромные размеры лавочки производили впечатление, что она переполнена всякой всячиной, и это доставляло Тесс особое удовольствие. Даже и сравнивать ее не стоило с громадным магазином Матье, который поневоле вызывал у нее чувство страха, ощущение неуправляемости эдакой махины. А между тем он со всем отлично справлялся, по крайней мере, до последнего месяца, когда вдруг ни с того ни с сего погрузился в жесточайшую депрессию. Но так ли уж было это непредсказуемо? Долгие годы он работал как зверь, не переставал вводить все новые усовершенствования, идти на риски, словно задался целью превзойти самого себя. С энтузиазмом он взялся за компьютеризацию, открыл отдел канцелярских принадлежностей и даже небольшой отдел кожаных товаров. От такого объема неукротимой деятельности Матье у Тесс голова шла кругом. И не только. Он ее сильно печалил, ведь Матье стал для нее почти недосыгаемым. В последнее время она даже попыталась выводить его на вечерние прогулки, чтобы немного развлечь, только оказалось, что это лишь довершало его переутомление. Но однажды, когда ей удалось вытащить его в ресторан, она все же рискнула задать вопрос: за кем это он все время гонится? С непроницаемым лицом он только склонился над тарелкой и ничего не ответил. И, внима-

тельно на него посмотрев, Тесс поняла вдруг, как мало она знает о нем, о его семье, о прошлом. Матье задавал вопросы, но никогда не раскрывался сам. Она полагала, что он менее эгоистичен, чем другие мужчины, но на деле оказалось, что он просто более скрытный, чем они.

Но, несмотря ни на что, Тесс его любила, сказать честно, она была безумно в него влюблена. Их первая встреча произошла на собрании коммерческого сообщества в центральной части города, где она его сразу выделила из остальных, как только он взял слово. Матье выражался ясно, приятным голосом и говорил очень разумно. Одет он был без претензий: в джинсы и пиджак поверх белой рубашки с открытым воротом. Держался раскованно, без малейших признаков высокомерия, и, короче, понравился ей с первого взгляда. Больше, правда, она о нем не вспоминала до тех пор, пока однажды он не переступил порог ее магазина. Он выбирал подарок для дочери, к которой был приглашен на обед. Тесс очень долго демонстрировала ему разные забавные вещицы, однако он даже не смотрел на то, что она ему показывала, а смотрел только на нее с интересом, которого не пытался скрывать. Через неделю он снова к ней заглянул, просто чтобы немного поболтать, и лишь на третий раз осмелился пригласить ее выпить по стаканчику в кафе.

До этого момента Тесс привлекали исключительно блондины со светлыми глазами, как у нее самой, в то время как Матье был брюнетом с очень темными глазами и смуглой кожей. Он был высок, худощав, с широкими плечами, очень красивой формы руками и совершенно бесподобной, затаенной в уголках губ улыбкой. Ей даже не пришлось сопротивляться, и очень скоро они стали любовниками.

Тесс было тридцать семь, Матье — сорок шесть. Опытные люди, они не собирались бросаться в омут совместной жизни очертя голову и предпочли каждый жить у себя. Но почти все ночи проводили вместе, навещаясь один к другому в гости. Матье развелся уже давно, но остался в хороших отношениях с бывшей женой, которая жила теперь где-то в окрестностях Парижа. Никогда не выпускал он из поля зрения, отсюда, издалека, и свою дочь Анжелику, которая хотя и воспитывалась матерью, но обожала отца. Для того чтобы быть поближе к нему, девушка даже решила поехать в Гавр и поступить там в инженерную школу. У Тесс, разумеется, за это время было несколько не слишком удачных романов, ни один из которых не привел к супружеству. Встреча с Матье казалась ей многообещающей, и она охотно провела бы с ним оставшуюся часть жизни. Вот уж некстати, так некстати случилась эта депрессия с Матье, хуже просто ничего нельзя было придумать. И все же Тесс не теряла надежды. Ее вполне естественное желание верить в лучшее развитие событий именно с ним внушало ей уверенность, что это лишь случайная неприятность и все войдет в привычную колею через несколько недель, в худшем случае месяцев. Она хотела для себя Матье, и только Матье, и намерена была ждать, сколько понадобится.

*

Когда Матье навещался в Сент-Адресс, он никогда не пропускал великолепного зрелища восхода солнца над морем. И хотя дом Сезара, взгромоздившийся на склоне холма, был далеко не самым красивым зданием в этом уникальном месте, зато он был одним из самых высоких,